

Никакое большое военное сражение не утихает разом. От него, словно от свалившейся в омут булыжины, еще долго расходятся по сторонам волны. Танковый бой, произошедший в районе Крисановки, южным флангом раскатился аж до Буга, готов был и его перехлестнуть, но по правую сторону реки, на россыпи холмов, русское командование сосредоточило такое количество артиллерии, что она выхлестала и танки, и стрелковые соединения, и все, что шевелилось за рекою. Остановив отступающие войска на Буге, наши части отбивались от шальных наскоков, налетов и сдерживали так называемую активную оборону противника. Попутно замысливалось не просто остановить, но и обуздать гитлеровцев. Удар на Крисановку они наносили двумя армиями ? танковой и общевойсковой с приданными им моточастями, авиацией и всеми средствами, необходимыми для наступления. Крисановку все же немцы взяли на третий или четвертый день, узловой станцией овладели, но развить успех не смогли. И противостояние было уже организовано не так, как в сорок первом году, и непогода захоронила на просторах Украины все, что можно захоронить. Изнеможенные, усталые войска двух армий остались в мешке, заваленном метелью, скорее даже какой-то по-сибирски дикой снежной бурей. А какие командиры, хоть советские, хоть немецкие, не возмечтают воспользоваться благоприятной обстановкой и отрезать, окружить противника, да и уничтожить! Но после Сталинграда немцы держали ухо востро, вот и стерегли, обороняли фланги изо всех имеющихся сил. Сказать о Буге в этом месте "река" ? язык не повернется. Предчувствие гор, так называемое Прикарпатье, всхолмило землю и задрало ее, отложив по оподолью серую луду, а по руслу реки в беспорядке вымытые камень разной величины. Под скатами берегов и шевелилась черная лента речки с неустойчивыми забережками, перехваченная кое-где бляшками льда, неохотно и как-то совсем вяло шевелясь на перекатах и в шиверах. Здесь стояло, точнее, рассыпано было по холмам по обе стороны реки село, бесприютное, не по-украински сиротливо-нагое, безрадостное. Оно наполовину выгорело, и лишь по разложинам кое-где темнели кусты да возле остовов еще недавно белых хат там и сям темнели садовые деревца, чудом выжившие, но, может, и обгоревшие до черноты. Правая, более сохранившаяся сторона села смотрелась приветливей, хотя тоже большей частью была голой и зябко ежилась по холмам и пригоркам, выстроившись подобием улицы вдоль Буга. В середине села реку перехлестывал, скорее серой гусеницей переползал, мостик, шибко разбитый снарядами, ошетилившийся ломьем плах, нетолстых скрепов и кривых брусьев из чуть отесанного леса. По мостику густо, разрозненно виднелись бугорки, прикрытые снегом, ? это наши убитые солдаты, в основном связисты. Бригада, в которой воевал связистом Федя Скворцов, поперед многих частей просквозила по тому мостику в ночное время, заняла оборону и утром уже бойко и дружно вела огонь по еще шевелящемуся в снегах немецкому войску. Пурга, снег, густо веявший, временами хлещущий, сугробы наметавший вдоль оград и по-за хатами, да еще пугающе обрывистый Буг помогли нашим частям затормозить противника, затем и остановить. Вывод управления дивизиона ста двадцатидвухмиллиметровых гаубиц, лучших на ту пору орудий на русском фронте, имел и вояк достойных. Ночью же управленцы хитро оборудовали наблюдательный пункт возле хаты со сгоревшей соломенной крышей, сплошь выбитыми окнами, сделав ход сообщения под стеной к бедному, нищенски на бугре скрючившемуся садику из десятка яблоневого, вишневого деревьев и стенкой терновника. Топили печь, сделанную из каменных плит вроде камина, ящиками из-под снарядов, ход сообщения под стенку и сразу к стереотрубе завесили плащ-палаткой, окна тоже загородили чем могли, и не ахти что, но все же маленько обогреться можно и горячей водой брюхо повеселить. Командир отделения связи, большой дока в своем деле, еще за Днепр представленный к званию героя, и, если б не эта зимняя боевая и природная кутерьма, давно бы получил Звезду Героя, ночью же велел проложить две линии, запасную через мост, вторую, через Буг к батарее, выставленной на прямую наводку. "Промочимся же!" ? заныли связисты. "А что лучше ? мокрым быть или мертвым?" ? взвился сержант, и по его вышло, на мосту набито народу вон сколько, да еще славяне, выбегающие на порыв, из линии вырезают куски, чтобы починить свою связь, и нитка через мост почти не работает, разве что в ночное время. Федя и посейчас явственно помнил, как схватило в груди, когда он с безжильного кислого льда шагнул в воду и быстро, быстро, но чтоб, Боже упаси, не упасть, вовсе не вымочиться, семенил по жгущейся воде, ощущая ее стремительное тут течение икрами, перетянутыми обмотками, подошвами ботинок чутко нащупывая острые, пуще того ? гладкие камушки. Когда, буцкая мерзлыми ботинками, звеня льдом обросшими штанами и обмотками, они с напарником ворвались в хату с телефонами энпэ, командир отделения товарищ сержант Рязов помог им быстренько раздеться, бросил сухое обмундирование и, главное, нагретые валенки, выпить дал,

пусть и понемножку. Потом и отдохнуть приказал. Федя с напарником, слепившись спинами, хорошо придавили на ящиках, сделанных вроде нар, с расплющенной на них соломой и сверху прикинутой палаткой. И ничего, даже кашля не было, сопли только и текли, ну а как здесь, при сопливой зиме, да без всяких вовсе последствий существовать? Батарея за рекой, и не одна, крушила остатки крупного немецкого соединения, вся бригада из села поддерживала ее огнем и всем, чем могла. Снаряды и заряды возили, но чаще на себе таскали солдаты, хлеб, горячий харч ? тоже, обратно волокля раненых и связь непрерывную, добрую связь держали с боевой батареей, которая несла большие потери: за трое суток в ней сменилось едва ли не по три расчета. Сержант Ряжов, человек, конечно, боевой, но уж и беспокойный. Нитка связи через мост давно и безнадежно изорвана, надежда на ту лишь линию, что легла через Буг. И тут отделенный проявил дальнзоркость, повелев положить на дно речки не наш хиленький провод, который он нехорошо называл советским гондоном, но кусок трофейного провода, добытого в боях. У немцев провод давно уж в прочной оболочке, непромокаемой и жесткой, по нему слышимость что надо, а наш в сырости быстро вянет, промокает, шипенье по нему да всякий треск, как от льяной костры, и больше ничего. Отделенный держал телефониста на наблюдательном пункте или сам садился к телефону, линейного же связиста гонял как сидорову козу по линии, чтоб батарея за рекой ни на минуту не оставалась без связи. Метель уже унималась и бой утихал, когда Федя Скворцов вышел на линию. В селе там и сям догорали хаты, на пути к мосту дымили две подбитые машины, с них порскали горящим порохом артиллерийские гильзы. Тут же на спуске сиротливо темнел остов тридцатьчетверки, на которую и за которой намело снегу. Башня, сорванная рвавшимся боезапасом, лежала почти рядом с покалеченной машиной, до краев набитая снегом, и даже в дуле орудия ватной затычкой белелся снег. Феде Скворцову всегда почему-то было жалко, ровно живое существо, наш подбитый и почти обезглавленный танк. Башня у него в глубоком пазу, ничем не закрепленная, способная вращаться и работать вкруговую. Оно, конечно, хорошо, вкруговую-то, но если б в танке во время боя сидели его творцы, то было б не только хорошо, но и справедливо. Сержант Ряжов человек, конечно, героический, но, как уже говорилось, очень беспокойный, и никому от него покоя нету. Вот гоняет и гоняет по линии солдат, а чего гоняет? Порыва ж нету. По его же приказанию линию, что проложена через реку, протянули в стороне от дороги, чтобы буксующие машины ненароком не смотали провод на колеса или танки или тягачи не изорвали ее; там, где все же вынуждены были перехлестнуть линией заметенную снегом дорогу, провод глубоко закопали, ладом притоптали, сам товарищ сержант выходил на линию и проверял, хорошо ли закопали, плотно ль притоптали, но вот по работающей связи носись, подсоединяйся, делай проверку. Оно, конечно, на войне береженого Бог бережет, а разинь смерть пасет, но все же уж и в хате за ветром посидеть охота. Так вот нехитро рассуждая, связист Скворцов катил по линии и на спуске к Бугу, в наметенном за каким-то хилым заборчиком сугробе увидел копошащегося своо брата связиста. При ближайшем рассмотрении связист оказался девкой. Она держала в руках оборванные провода и пыталась стянуть их вместе. В рукавички и за ворот ее шинели набило снегу, в обувь, стало быть, в валенки, начерпано. Девушка, чуть подвывая, взнудывала себя иль еще кого-то: "Н-ну, н-ну-у, ну!" Отдавленный снегом провод в порыве разошелся. Сугроб-то уж больно уютно и плотненько лежал за вкривь и вкось набитыми досками, палками, жердочками, поверху которых и в дырках темнела зябко дребезжащая колючка ? от коз проклятых. Здесь, в предгорье, этой скотины было много, солдаты переловили коз, наварили мяса; скотины, которые попрытче, разбежались, а иных и хозяева с собой от войны угнали. Федя свернул в сторону и сразу увяз в сугробе, но мужик же, воин же, быстро он выбил себя из снега, взял у девушки концы провода, потянул, крикнул: "Помогай!", и вдвоем они чуть даже стянули провода, но не соединили, и тогда Скворцов еще глубже попер в сугроб, рванул колючую проволоку с забора и стал ее ломать. Проволока не ломалась, рвала рукавицы, царапалась. Федя еще раз рванул уже со злом и оторвал одну нить, приступил ее ботинком, вертанул туда-сюда и, отделив конец метра в три, подал его девушке, коротко и властно приказав: ? Делай вставыш. Слышимость, конечно, будет не та, но все же. На обратном пути изладим все ладом, отроем провод. ? Ой, дяденька, у меня руки замерзли. Пока они возились в снегу у рахитного забора, не сожженного в печке только потому, что здесь, на спуске к реке, много стреляли, разочка уж три в сугроб плюхались и подбрасывали снег мины, по-злomu скрипуче рвущиеся на холоду. Один раз, когда близко засвистело и разорвалось, Федя даже и на девушку упал, вдавил ее в снег, как бы героически прикрыв собою. ? Ну, действуй, я сейчас до моста слетаю, проверку сделаю, если обрыва нет, мигом вернусь. ? Ладно, хорошо, дяденька, ? пискнула связистка, держа конец ржавой проволоки в рукавице и ничего, однако, не делая. В это время опять над ними просвистели мины, и где-то поблизости хрястнуло по мерзлой земле иль грудой развалившейся хате. ? Давай! Давай! ? уже на ходу крикнул Федя и

ринулся со всех ног по склону. На мосту валялись клубки изорванной связи, но запасная линия родного дивизиона была в порядке. Подключившись ненадолго, Федя сделал проверку и, зацепив ногой из-под снега оборвыш провода, ринулся назад. По мосту, выбивая щепки, шаркнул пулемет из-за реки, и это прибавило связисту резвости. Девушка все же сделала вставыш, который Федя тут же отсоединил и бросил подальше, србостив порыв подобранным на мосту концом провода, и только тут он подумал, куда же делась связистка-то? И увидел ее, распоясанную, открыто и как-то безвольно тащившуюся вверх по дороге, по-за нею тянулись темные извивы и кляксами разбившиеся о дорогу пятна крови. Он ее быстро настиг, подставился, она обняла его за шею, они ускорили ход. Глянув в раскид шинели, Федя увидел, что девушка пыталась перевязать себя, но лишь перехлестнула поверху гимнастерку своим индпакетом, больше у нее ничего не было. ? Как же ты, а? Как же... ? задышливо твердил Федя, почти на себе уже волоча связистку. ? Неужто не слышала? ? Слышала, но порыв проклятый, ? медленно выбивая из себя слова, плаксиво пожаловалась девушка. ? Порыв в порядке. Все я залатал. И сейчас вот тебя тоже обходим, тоже, понимаешь... Он заволок ее в подкопанную избу энпэ, согнал с лежанки ночью дежурившего, дрыхнувшего телефониста и осторожно опустил на солому девушку. Телефонист спросонья начал материться ? мол, ногу чуть не оторвал, босяк, но, заметив раненую, буркнул: "Так бы и сказал, а то дергает, дергает", ? и вальнул ее в уголке на остаток пола из мелких, кривых половиц: здесь, в Прикарпатье, не как на остальной Украине, уже были деревянные, не земляные полы в селах. ? Где ее тебе Бог дал? ? расстегивая сумку, угрюмо заворчал санинструктор Яшка. ? Своих раненых не знаем, куда девать и чем перевязывать. ? Давай уж как-нибудь постарайся, ? виновато потупился Федя, а девушка в поддержку ему прошелестела: ? Пош-жа-пош-жа... Яшка начал раздевать ее, она, загородившись слабой рукой, попросила: ? Бойцы... пу-пусть выйдут... бы-бы-цы... ? Ну, милая, тут не до деликатностей, тут работа идет, война... Долго возился с раненой Яшка, она все пыталась загородить ладонями живот, Яшка отводил, один раз и отбросил раздраженно ее руки. Федя кочергой выдвинул из непрерывно топящейся печи чугунок с кипящей водой, налил для Яшки кипятку в рукомойник, кружку с горячей водой поднес к губам девушки. Они у нее были обветрены, шелушились остью, их успело когда-то обметать грязно-коричневым налетом. Жадно припав губами к кружке, девушка ожглась, но от кружки не отлепилась. ? Спа-си-бо! ? отстраняясь и опадая на лежанку, слабо выдохнула раненая. Федя оторвал кусочек бинта от Яшковой брошенной на стол белого свертка. Тот от рукомойника покосился на него, но ничего не сказал. Обмокнув кусочек бинта в кружку с горячей водой, Федя вытер губы связистки, стараясь мокрым клочком вычистить грязь из уголков ее аккуратенького рта, попутно и по лицу легонько прошелся, вроде как освежил его, и девушка еще раз, вроде чтобы никто не слышал, шепотом молвила: ? Спа-си-бо. Приподняв палатку, из-под стены возник начальник штаба, заменивший днями раненного командира дивизиона. Был он в солдатских однопальных рукавицах, под телогрейкой рыжела кем-то, скорее всего сержантом Ряжовым, уделенная безрукавка, но все равно озяб, приморозил руки о железно стереотрубы и, подсунувшись к челу печи, почти сунул их в нагоревшие уголья. ? Это кто? ? спросил он у Яшки, кивнув в сторону раненой. ? Да вот Скворцов на дороге напарницу себе подобрал. ? Откуда она? ? Не говорит. Военную тайну сохраняет. Но связисты, трепачи, давно уж подслушали: отдельная это спецчасть, обслуживает штаб танкового корпуса. ? Ну, которые обслуживают, те по линии не бегают, ? скривил посиневшие от холода губы капитан. ? Ты вот что, подготовь раненых, и ее тоже. Из тылов к нам пробивается колонна санитарных машин. ? Есть, товарищ капитан. Яшка ушел, капитан, кашляя, налил себе кипятку в кружку, достал из кармана таблетку или кубик сахара, пил мелкими глотками и все время косился на Федора Скворцова, дежурившего у телефона, по всему было заметно, хотел к чему-нибудь придраться и кого-то распушить. Но связист в порядке и хитер, бродяга: пока капитан выпил кружку кипятку, раза три проверку сделал, выявляя радение, поругался со связистами на промежуточном пункте, к девушке же, тише мышки лежащей на соломе, не придерешься, телефониста, с ночи храпака задающего, никакой руганью не проймешь, и, высморкавшись в таз под рукомойником, капитан натянул рукавицы, на всякий случай приструнил свое воинство: "Ну, смотрите у меня тут!" ? и опустил под стену, нарочно, видать, оставив ход приоткрытым, чтобы не одному ему мерзнуть. Федя палатку над входом поправил, придавил ее с боков комками земли и катушкой со связью, про себя старчески ворча: "Иди уж, иди, ругай своих разведчиков, оне у тебя рожи поотъедали и от спанья опухли". После чего подвинулся вместе с ящиком телефона ближе к раненой девушке, деловито, как Яшка-санинструктор, пощупал ее лоб ладонью и спросил на всякий случай: ? Ну как ты тут, болезная? ? Ни-ничего. Дайте еще кипяточку, если можно. ? Девушка понимала, что на чужом она подворье находится, проявляла скромность в поведении. Федя вспомнил, что в кармане шинели у него, завернутый в тряпочку, хранится кусочек сахара, он его

развернул, обдул и, бросив в кружку, помешал в ней запасным заземлителем. Девушка попила с удовольствием, причмокивая, и даже чуть порозовела лицом, еще раз поблагодарила Федю и прижмурила глаза, начавшие плыть от поднимающегося жара. ? Слышала, санмашины к нам идут? Девушка чуть внятно что-то ответила и стала впадать в забытие, чем напугала Федю, и, чтобы не дать ей забыться и, как казалось связисту, незаметно и тихо умереть, он начал тормозить ее разговорами: ? Тебя как зовут-то? ? Вика, ? последовал едва слышный ответ. ? Это как? ? Ну, Виктория, ? уже внятней и даже как бы сердито пояснила девушка. ? А-а, имя городское. Я тоже городской, но с окраины, с рабочей, Мотовилихой она зовется, пермяк я ? солены уши. ? Как это? ? в свою очередь спросила связистка. ? Ну, слышал я, что в древности ушами звались у нас грибы. А ты ч? думала, людям, что ли, уши солили? Девушка не ответила. Федя склонился над нею, она вся мелко дрожала, и из губ ее, неплотно закрытых, вместе с перекаленным воздухом вырывался птичий звук: "фик-фик-фик". Федя снова поднес кружку с уже теплой водой к этим пляшущим и свистящим губам, снова девушка отпила воды, на этот раз почти жадно. "Где этот Яшка, распаскудник, где те долбаные санмашины?" ? затосковал Федя и на всякий случай решил проверить, слышит ли чего девушка и вообще какова ее жизнеспособность. ? Та-ак, ? протянул он, ? имя мы узнали, а фамилия у тебя какая будет? ? Си-си... фик-фик-фик... Синицына, ? собравши силы, молвила девушка и, трудно приподняв руку, показала на нагрудный кармашек, заметно оттопыренный, там у нее была красноармейская книжка, догадался Федя и нарочно громко воскликнул: ? Ну прямо птичник какой-то собрался, я-то ведь Скворцов. Ты Синицына, я Скворцов. Ну и молодцы мы с тобою, птахи небесные. Наговаривая так, Федя стянул с себя шинель и, оставшись в телогрейке, бережно прикрыл раненую, заботливо подтыкав с боков, поискал еще бы чего теплое и содрал шинель со спящего на полу товарища, тот подогнул ноги почти до самого подбородка, пошарил рукою вокруг, невнятно сказал: "Топаз слушает", ? и на этом угомонился. И под двумя шинелями девушка не согрелась, все фикала, все выдувала изо рта жаркую, грудь давящую тяжесть. "Может, мне лечь к ней спиной? ? подумал Федя. ? От меня теплее". Но в это время в хату ворвался Яшка с двумя бойцами и закомандовал: "Быстро, орлы, быстро, аллюром!" Связистку не очень бережно сгребли с лежанки, перекатили на носилки. Яшка вынул из кармана девушки красноармейскую книжку и заполнял какую-то бланку, меж делом прикрикивая на помощников: ? Ну ч? стоите как пни! Тащите раненого в машину. Федя, сделав предупреждение по линии, выбежал следом из хаты, помог водвинуть носилки на нижнюю подвеску и еще подумал, что холодно будет Синицыной от пола. Но машина была набита до маковки, по боковым железным скамейкам и на полу хохлились так и смяк сидящие иль полулежащие, второпях перевязанные раненые, сплошь в кровавых, где и в грязных бинтах. В машину запрыгнул Яшка, застегнул на девушке шинель и сунул под твердый от грязи отворот шинели заполненную бланку. ? Ну, с Богом, ? сказал санинструктор, ? тут обстреливают. И они с Федей и двумя солдатами еще и подтолкнули сзади машину, пробуксовывающую в плохо прикатанной колее. Так вот, буксуя и вихляясь, машина поднялась на холм и, пуская густой дым, исчезла за высотой. Вослед ей припоздало полоснул пулемет. "И ведь видят же, как-то вот видят или слышат?" недоумевая, сердился Федя и вслух спросил у Яшки: ? Ты-то чего не поехал с ними? ? Много работы, не велено отлучаться. Сопровождающий от санбата есть. ? Один на все машины? ? Да, один на пять машин. Ну ничего, вместе они скорее пробьются, а там уж... ? Там уж, верили все бойцы и санинструктор тоже, там спасение и рай земной. ? А не выкинут? ? Чего? ? Девчонку раненые не выкинут из машины? Скажут, померла дорогой, и высвободят место, лежачее. ? Не должны, я предупредил, что проверю, и санбрату наказал, чтобы доглядывал. А вообще кто знает, не любят окопные землеройки фронтовичек. Пэпэже их зовут. ? Одна-две в части пэпэже, а страдать и отвечать всем, так, что ли? ? Все в руках Божьих, товарищ Скворцов, все в его милостивом веденье. Пойдем-ка чаю поьем и картошки порубаем, я ставил чугунок в печь, заваркой и сахарком у медбрата разжился. Они не чета нам, живут не тужат. * * * Картошка выкипела и уже начинала пригорать к стенкам чугуна. Высыпали ее на стол, размяли прикладом карабина крупную соль и только собрались поесть, еще и единой картошки не облупили, как на полу взнялся телефонист, широко зевая, с претензией, чего, мол, не будите, одни себе жрете. Картошка, почти непрожеванная, катилась горячим комом по нутру до самого до низу и уютно располагалась в брюхе. Хорошо! А назавтра в этой самой хате, где располагался командный пункт, на той самой лежанке, с совсем уже расплющенной соломой лежал, дожидаясь санобоза, и Федя Скворцов. Ранило его на той самой запасной линии, что пролегала по мосту и которую связисты неприязненно звали пожарной линией. Мост был избит, развален, перила его там и сям болтались и под ветром скрипели на гвоздях и скобах. Трупов за последние дни на мосту прибавилось, будто замерзшее болото в неровных кочках был тот мостик. Никто мертвых не убирал и не хоронил даже ночью. Некогда. Все делом заняты. И не

уберут. Кинут на мирное население: коли кто-то сюда вернется, по весне вынужден будет вытаявшие, разбитые трупы закапывать. И у боевой бригады артиллеристов вот-вот перемены наступят, новое движение начнется, на этот раз на юг. Военная тайна, конечно, великая штука, но от связистов никак ее не убережешь. Радист получил сообщение, что совсем и недалеко наши войска загнали в голостепье и зажали там вражескую группировку. С осени замешкались немцы на Днепре и начали отступление почти зимою и вот попали в ловушку. Войска сосредоточиваются вокруг котла добивать противника, и тут уж никак без гаубичной бригады эргэка не обойтись. А и хорошо оно, уйти надо с этого неприятного, заваленного трупами моста, который немцы прошивают днем и ночью длинными очередями иль дорубают его минами и снарядами. Сколькo и сколькие этот дежурный пулемет подавляли и докладывали, что все, капут, подавили, а он снова вдруг заявит о себе, прихватит парней на мосту, ладно, если на исходе его, тут мигом вались вниз, в сугроб, но коли на середке прихватит, тогда, куда деваться, ложись и молись, если Бога не забыл. А пулемет у немцев не наше горе, не таратайка на колесах со времен кинофильма "Чапаев" прославленная. У немцев пулемет на сошках, стволице в оглоблю, в ленте пятьсот патронов, и он как врежет очередь, так уж очередь получается, а не бабий перд?ж врассыпаловку, что выдает прославленный "Максим" иль "Дегтярев" с диском в пятьдесят патронов. Из них, из наших пулеметов, хорошо стреляют ? врага что траву косят ? только в кино. Вот так вот примерно размышлял Федя Скворцов, мчась по "пожарной" линии связи на очередной порыв, и прихватило его очередью аккурат посередь моста. Он видел, как шла эта очередь по мосту, всплескивая султанчиками белого снега синие огоньки, которые, будто с лесной герани, лепестками осыпались, если на пути пуль встречались скобы, гвозди, костыли и всякое крестьянину доступное железо, которым он постепенно облепляет старый мост, починая и укрепляя его каждую весну, видел Федя, как из трупов, давно здесь покоящихся, выбивало серое лоскутье и что-то багрово-белое, мясо, должно быть, и косточки человечьи. "Господи! Спаси и помилуй!" ? взмолился Федя и упал брюхом на бревешки, попытался вдавиться в пролом. Как ударило снарядом, так три бревешка проломились и просели на крестовины моста. Вот в этот пролом и вдавился тощим брюхом, головою, грудью связист Скворцов. Но ноги-то куда девать? Ноги и руки, нужные в деле, в работе, под пулями лишние ? некуда их девать. В ногу и попало Феде, слава Богу, пока в одну. Сперва его раза два дернуло за взгорбившуюся на спине шинель, в крошку разбило ящичек телефонного аппарата, съехавшего на спину же, потом вот и ногу дернуло. Феде помстилось, что кто-то из связистов, балуясь, накинул на ногу провод петлю и дернул его, шуткуя. Блажь, конечно, нелепость, но чего с испугу не войдет человеку в голову. Федя Скворцов, боец опытный, битый ? до этого два легких ранения получил, убитых и раненых навидался ? не запаниковал, не задергался, хотя в ботинке начало жечь, нога перестала шевелиться и слышать себя. Он дождался, когда уймется пулемет. Вылез из своей нечаянной, ненадежной ухоронки и пополз, стараясь прижиматься ближе к бревенчатому брусу, под которым и которым скреплялся настил моста, но уж из бревешек потоньше. В одном месте уцелел пролет перил. Федя взнял себя, перебираясь руками, заспешил к своему берегу, да не больно спешилось, как-то неловко вывернулась и не шла, волоклась нога, оставляя за собой красную борозду. Привыкший бегать по линии, а мост даже и пролетать, он долго сползал к дороге, какое-то время еще и по дороге полз. Как нарочно, никакой нигде твари нету, ни тебе несчастного, одинокого связиста, ни тебе посыльного иль шалого, всегда вроде бы пьяного разведчика. Он увидел под забором торчащий из сугроба кончик колючей проволоки. Былинку пустырной травы она напоминала с двумя острыми лепестками. Узнал это место Федя, заполз во двор разбитой хаты, потом и в хату влез, точнее, в короб стен, оставшийся от хаты. Здесь велся народ, чей-то энпэ располагался, но чей ? разузнавать времени не было. Он попросил молодого лейтенанта послать кого-нибудь к мосту, где под первым пролетом, настелив под задницу будыльев, на промежуточном пункте дежурили два связиста, пусть один прибежит и ему поможет. Ребята, тоже артиллеристы, но малокалиберные, на скорую руку перевязали Скворцова, дали глоток водки из фляжки глотнуть. Тут и связисты примчались. Оба. Радехоньки, что причина нашлась смыться хоть на время от гибельного моста и погреться возле печки, может, и пожрать чего-нито. Тем более, что они слышали, будто ночью к нашим пробился тягач, на нем хлеб, водка, концентраты пшениные, ну все, чего душа ни пожелает. Тягач в самом деле приходил с каким-то пакетом и попутно привез несколько мешков сухарей, ведро сахару и рюкзак махорки, насчет водки, концентратов, других всяческих разносолов и разговору не велось. Яшка долго возился с Федей Скворцовым, укол от столбняка сделал, ботинок порезал, штаны до колена располосовал, со словами "больше не понадобятся" брезгливо бросил скоманные, грязные обмотки в печку. Связисты с промежуточной во всю силу, будто кони овес, хрумкали сухари, устроившись возле чела печки. Яшка принес в кружке горячего чаю, разломил напололам сухарь об

колени и сказал Феде: ? Поешь и попей маленько. Тебе это необходимо. Потом появился сержант Ряжов. Покачал головой: ? Совсем людей мало осталось. Опытных ? единицы. ? И попер связистов, швыркающих кипяток возле печи, на свою, на законную, точку. Затем капитан из-под стены возник, снова грел руки и косился на Федю Скворцова. ? На мосту? ? спросил, чтоб хоть о чем-нибудь говорить. ? На мосту, товарищ капитан. ? Ах, этот проклятый мост, сожгли б его уж, что ли. ? И обратился к Яшке, кивнув в сторону Скворцова: ? Что у него? ? Да и ранение вроде бы невелико, но препакастное, перебито сухожилие, тронута лодыжка. Парень, считай, что выбыл от нас навсегда. ? Ну что за место клятое? И боев-то настоящих не было, а народу потеряли доплатна. Скоро санитарная-то будет? ? После обеда обещали, товарищ капитан. ? После обе-езда, они там все обедают и водку пьют. ? Нашу, ? поддакнул сержант Ряжов. ? Может, и нашу. Яков, всех раненых сопроводить, в целости доставить. ? И подал руку Феде: ? Ну, Скворцов, прощай, хорошим ты связистом и помощником был. ? И, увидев, как бледный лицом раненый, недавно переживший потрясение, проливший кровь, заплакал и закрылся рукою, растерянно потоптался возле лежака: ? Ну, ну, чего ж плакать-то? Не маленький и не из рая, а из ада выбываешь. ? Хотел еще что-то добавить. Феде показалось, капитан хотел покаяться за то, что крут бывал, орал, не подбирая выражений, разика два по голове трубкой бацнул, один раз пинкаря под жопу дал. Горячий, еще молодой человек, а ответственность на нем какая ? тут и заорешь, и запинаешься. Ничего более не сказал командир дивизиона, махнул рукой, натянул рукавицы и опал в подкоп, прошуршал плащ-палаткой и на этот раз не оставил вход полуоткрытым, тщательно прикрыл палатку. "Это чтобы мне, раненному, не дуло", ? подумал Федя и снова заплакал от умиления и жалости к себе. Сержант Ряжов приказал не раскисать, держаться и катнул на лежанку облупленную горячую картофелину, да еще самолично и посолил ее. ? Ох-хо-хооо, доля солдатская, ? молвил он в пространство и какое-то время смотрел неотрывно вдаль, вроде бы как сквозь стену. В эту минуту полного отрешения своего командира Федя подумал, что сержанта скоро убьют, но впоследствии, на встрече ветеранов артбригады, узнал он, что сержант Ряжов погиб не скоро, погиб уже в Германии при штурме Зееловских высот. * * * В санбате Федя Скворцов пробыл недолго и в каком-то отдалении от себя, как бы в полусне. Перед эвакуацией в тыл вдруг попросил сестричку, что ставила ему уколы и давала порошки, нельзя ли узнать что-нибудь про Вику, Викторю Синицыну. ? Ой, тут такой поток раненых был, такой поток. А она кто тебе? ? Напарница по телефону. Сестричка была сообразительна, просмотрела журнал с регистрацией умерших в санбате и похороненных поблизости. ? Среди умерших Синицына не числится, а к эвакуации назначенных такие списки, такие бумажные дебри, что в них не вдруг и разберешься, но я постараюсь. Как ночное дежурство выпадет, так разузнаю. Но поток раненых ? поток! ? слово-то какое жуткое, никто его и не осознает до конца ? не прекращался. Санбат работал с большим напряжением и перегрузом. Мест не хватало. Связиста Скворцова метнули в ближайший госпиталек, тоже переполненный. Там ему сделали рассечение на ноге, обиходили, прибрали, костыль дали, чтобы сестрам его не таскать на носилках. К этому времени Федя совсем очнулся, вышел из какого-то вялого, полусонного состояния. Но, как погрузили в поезд, он под стук колес, качаемый будто в люльке, снова начал спать беспробудно. Нога "отходила", и весь он отходил и начал слышать боль не в чужом как будто теле, но в своем, родимом, ему велели поменьше шевелиться, ходить в туалет только по большой нужде, но скоро он ни по какой нужде не мог слезть с полки, шибко его, как и всех парней, угнетало, что девушки, сплошь ладные и красивые, вынуждены убирать из-под него. Будучи человеком стеснительным, он старался все свои неуклюжие дела справлять ночью. А ехали долго, в настоящую заснеженную зиму въезжали, в глубь России двигались. Дорогой раненых распределяли по госпиталям, понемногу разгружались, и, когда подъехали к Уралу, Федя Скворцов набрался смелости на обходе, попросив врача: ? Меня, если можно, выгрузили бы на Урале, если, конечно, можно. ? А где именно на Урале-то? ? Хорошо бы в Перми, я оттудова родом, и все наши там живут: отец, мать, сестры. Но с Пермью ничего не вышло, Федю на носилках перенесли в другой поезд, и оказался он в Соликамске, аж на севере области, зато на родном Урале, где и воздух, и виды природы, и даже дымящие трубы были привычны, целительно действовали на человека. Приезжала в Соликамск мать, плохо одетая, с черной металла, впившегося в руки, привезла скудные гостинцы. Его оперировали, и не раз, но, видимо, дело не шло на поправку, и отвезли его все-таки в Пермь, большой город, где профессор в позолоченных очках осматривал Федю, больно давил беспощадной рукой раненую ногу и назначил его на операцию. Уж тополя городские в лист пошли и под застрехой госпиталя суетились и щебетали ласточки-белобрюшки, творя потомство, когда профессор, Матвеев по фамилии, откровенно сказал раненому Скворцову: ? Все возможное мы сделали. Комиссуем тебя домой и на нашей госпитальной машине отвезем в родную твою Мотовилиху. Будешь какое-то время

Астафьев Виктор Петрович Связистка astafevvictor.ru

ходить с палкой, потом, даст Бог, и выбросишь ее. Нет, не выбросил, то ли привык к своей опоре, то ли хромая нога так до конца и не излечилась, но и жил, как инвалид, и работал, как инвалид, в инструменталке военного завода, прыгая около стеллажей с разными необходимыми производству инструментами и железяками. Тут и женился на местной девушке, перешел жить в ее дом, от которого по пологой луговине в овраг спускался огород. Ох, если б не этот огород, не баба крепкой рабочей кости и ее суровые, но дельные родители, пропадать бы пришлось и Феде, и двум его девчонкам, которые как-то сами собой изладились и выскочили на свет белый невесть откудова. И везде: в санпоездах, в госпиталях, среди инвалидов, толкущихся в приемных разных комиссий, даже будучи в доме отдыха, в Краснокамске, ? Федя Скворцов осторожно интересовался насчет Синицыной Вики. Очень ему хотелось узнать, жива ли она, и если жива, то как ее судьба сложилась. Один большой, много знающий человек надоумил Федю написать в Москву, в медицинские архивы, и оттудова пришел радостный ответ, что да, такая Синицына Вика, Виктория Александровна, излечена и проследовала на местожительство в Ярославль. "Вот и хорошо, вот и славно", ? думал Федор Скворцов, и одно только сомнение было в нем, Яшка-санбрат говорил, что рана у Вики широкая, но не очень опасная, сбрунуло вместе с мясом кожу с ребер, задело живот, так вот, как она, бедная женщина, будет таить такие шрамы от жениха, не поморгует ли он, не отвернется ли, не обидит ли бедную женщину с таким красивым именем. На этом и сошла с колес память о войне. Казалось, кто-то другой там был и действовал. Лишь в каком-то туманном полусне, опять же в отдалении, виделся ему иногда белый сугроб с полосами от пожара и пороха, девушка, рющаяся в снегу, и парень, молодой, бравый, хотя молодым он бывал, но бравым никогда, тем паче в тех изнурительных боях, но как виделся, так и виделся. Парень тот бравый с шутками-прибаутками помогал красасвице связистке починить линию, и она исцарапала все руки колючей проволокой, пока соединила порыв, а ведь у него приструненный к поясу под шинелью был конец провода, прихваченный на всякий случай. Отчего же он не отдал свой провод-то в беду попавшему человеку, тогда, глядишь, и не поувечило бы ее, и не мучилась бы она под чужими мужицкими глазами. Вот этого Федор Сергеевич Скворцов, сколь ни тужился, ни понять, ни простить себе не мог. Ноябрь ? декабрь 2000. Академгородок.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!